

Николай Михайлович Карамзин

**О счастливейшем времени
ЖИЗНИ**

Николай Михайлович Карамзин

О счастливейшем времени ЖИЗНИ

«...Человеколюбие, без сомнения, заставило Цицерона хвалить старость; однако же не думаю, чтобы трактат его в самом деле утешил старцев: остроумию легко пленять разум, но трудно победить в душе естественное чувство.

Можно ли хвалить болезнь? а старость сестра ее. Перестанем обманывать себя и других; перестанем доказывать, что все действия Натуры и все феномены ее для нас благотворны – в общем плане, может быть; но как он известен одному Богу, то человеку и нельзя рассуждать о вещах в сем отношении...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Николай Михайлович
Карамзин**

**О щастливѣйшемъ времени
жизни**

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожь не думаю, чтобы трактать его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнять разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно ли хвалить бользнь? а старость сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія Натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны – въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и не лзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не Философія, а игра ума; Философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными; отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ снять для человѣка завѣсы съ дѣлъ своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы увѣренія. – Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жнзни съ алчною смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній миръ остается училище-

мъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе; сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ, а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой то недостатокъ; возможное на землѣ щастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслию, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однакожь слова: *благо* и *щастіе*, справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другога – вотъ благо! одному лучше, нежели другому – вотъ щастіе!

Какую же эпоху жизни можно назвать *щастливѣйшею по сравненію*? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства въ бытіи (ибо человѣкъ не есть только животное) но – *последнюю степень физической зрѣлости* – время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полномъ

развитіи, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно; когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ Природы, для нихъ уставленный; когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашается съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій характеръ *благоразумія*. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе *передъ началомъ увяданія*.

Сія истина доказываетъ мнѣ благородство человѣка. Если бы умная нравственность была случайно принадлежностію существа нашего (какъ нѣкоторые утверждали) и только слѣдствіемъ общественныхъ связей, въ которыя мы зашли уклонясь отъ путей Натуры: то она не могла бы своими удовольствіями замѣнять для насъ живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости; не только замѣнять ихъ, но и несравненно возвышать цѣну жизни: ибо человѣкъ за тридцать пять лѣтъ безъ сомнѣнія не пылаетъ уже такъ страстями, какъ юноша, а въ самомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо его щастливѣе.

Въ сіе время люди по большой части бывають уже супругами, отцами и наслаждаются въ жизни самыми вѣрнѣйшими радостями: семейственными. Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль – за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія, живемъ дома; живемъ болѣе въ самихъ себѣ, требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинство пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего; воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности, обращаются для насъ въ моральное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе.... Поля, нашими трудами обогащенныя – садикъ, нами обработанный – земледѣльцы, насъ благодарящіе – лица домашнихъ спокойныя, сердца ихъ къ намъ привязанныя – радуютъ мирную душу опытнаго челоуѣка болѣе, нежели сіи шумныя забавы, сіи призраки воображенія и стра-

стей, которые обольщают молодость. Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое *чувство жизни* бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина..... такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть Натуры; думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія!... Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самага избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми Природа и судьба украшаютъ стезю его въ міръ: человекъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе же время дѣйствуетъ и торжествуетъ Геній... Ясный взоръ на міръ открываетъ истины, воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ вѣковъ

и гражданиномъ вселенной. Молодость любить въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолубіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоить душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль, утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь не долговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній! не могу жалѣть о васъ. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню щастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпре-
станнымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтъ — но не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ развитіи ума, въ мирныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы сказать я солнцу: *остановися!* естли бы въ то же время могъ сказать и мертвымъ: *возстаньте изъ гроба!*

